

Русина Ю. А. Методология источниковедения: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015.

Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции: Международная научная конференция / сост., науч. ред. М. Г. Талалая. М. : «Русский путь», 2006. Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования. Вып. 7.

УДК 316.4.066

Е. В. Прямикова, Н. В. Веселкова,
М. Н. Вандышев

ВИЗУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ (МЕНТАЛЬНЫЕ КАРТЫ, «ЛИНИИ ЖИЗНИ» И ДР.) В ИССЛЕДОВАНИИ МОБИЛЬНОСТИ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ¹

Визуальные методы и документы, получаемые в результате их применения основательно вошли в эмпирическую практику социально-гуманитарных исследований. Они обеспечивают доступ к той информации, которая по разным причинам не может быть вербализована, но может быть визуализирована. На примере исследования мобильности разных видов, мы показываем возможности применения визуальных документов – ментальные карты, маршруты передвижения и «линии жизни», а также рассуждаем об ограничениях в их применении. Эмпирическая база включает в себя материалы, полученные в четырех моногородах Свердловской и Курганской областей.

Ключевые слова: мобильность, моногород, визуализация, документ, метод, ментальные карты, маршруты передвижений, «линии жизни»

В конце XX в. исследования мобильности в социально-гуманитарных науках стали частью «мобильного поворота», связанного с творчеством английского социолога Дж. Урри и его коллег из университета Ланкастера. Движение перестало выступать транзитным, промежуточным элементом социально-гуманитарного анализа, который до этого сосредотачивался преимущественно, на исследовании «конечных» или стационарных состояний [Урри, 2012].

Наш исследовательский проект сосредоточен на изучении различных траекторий мобильности, свойственных жителям небольших уральских моногородов. Почти общим местом стали рассуждения о том, что россияне маломобильны, но при этом, жители небольших городов с крупными градообразующими предприятиями демонстрируют вовсе не высокий уровень привязанности к месту, особенно молодежь [Вандышев, 2014]. В определенном смысле мы дополняем своими выводами и соображениями результаты исследований индустриальных пространств, проведенных Анной Стрельниковой

¹ Работа основана на данных исследовательского проекта «Траектории мобильности трудоспособного населения малых и средних моногородов различного профиля». Проект реализуется при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (РФФИ), проект № 18-011-00457, 2018-2020 гг. В сборе эмпирического материала участвовали А. В. Данилова, У. С. Швиндт.

и Александриной Ваньке в районе Южное Тушино [Стрельникова, Ваньке, 2017].

Наше исследование проходило в городах Краснотурьинск, Далматово, Первоуральск и Ревда. Эти территории входят в перечень моногородских поселений России [Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований, 2014]. Практики мобильности не только складываются в траектории и маршруты, которые становятся элементами моногородских пространств, но и свидетельствуют о происходящих изменениях на рынках труда. В рамках исследования выделены и проанализированы пять взаимосвязанных, но существенно различающихся типов мобильности в четырех городах Уральского региона: 1) повседневная пространственная мобильность в пределах города, 2) межпоселенческая мобильность в связанных территориях (развитие агломераций), 3) расширенная межпоселенческая мобильность вплоть до выезда за границу, 4) медийное (интернет-) конструирование мобильности, 5) статусно-профессиональная мобильность.

Наша гипотеза заключается в том, что моногородское пространство задает специфическую матрицу мобильности, объективирующую картину возможностей и жизненных шансов для представителей разных слоев городского населения, в том числе и разных поколений. Разработка этой гипотезы предполагает активацию городского пространства в биографических описаниях, получаемых от информантов. В этой части, наш подход релевантен логике анализа влияния городских пространств на досуговые практики молодежи [Данилова, 2017].

Эмпирической базой являются собственные полевые материалы, собранные в 2018–2019 гг. Методический дизайн исследования объединяет три группы визуальных методов. Во-первых, это создание ментальных карт своего города, полученных в ходе индивидуальных мобильных / стационарных интервью (58 шт.) и групповых дискуссий (28 дискуссий, 417 участников); во-вторых, рисование типичных маршрутов перемещений в рабочий / учебный и свободный день; в-третьих, изображение собственных «линий жизни», включающих значимые события прошлого, настоящего и будущего. Всего в ходе групповых дискуссий было собрано 414 комплектов визуальных документов, созданных участниками групповых дискуссий, среди которых 210 юношей и 204 девушки, 105 студентов среднего профессионального образования (СПО) и 309 учащихся 9–11 кл. средних школ¹.

Визуальные документы, созданные во время групповых дискуссий и интервью, позволяют реконструировать более полное представление значения и места городского пространства в биографической перспективе. В конечном итоге, использование визуальных методов решает следующие задачи. Во-

¹ Групповые дискуссии проходили в образовательных организациях. Для участия несовершеннолетних было получено информированное согласие родителей или других законных представителей.

первых, преодоление нежелания вслух и прилюдно озвучивать особенности своей биографии, своего видения городского пространства. Во-вторых, визуализация позволяет избежать ограничений, связанных с владением языком, словарным запасом и возможностями точно выразить свою мысль. В-третьих, посредством визуализации фиксируется представление о том, как молодые люди видят, осознают пространство собственного города.

Таким образом, методика нашего исследования предполагала получение трех групп визуальных документов – ментальные карты, маршруты повседневных передвижений и «линии жизни». В результате, нами был получен весьма внушительный массив визуальных документов, отражающих различные виды мобильности в небольших моногородах, но с некоторыми изменениями.

Рассмотрим более подробно полученные результаты. Ментальные карты позволили нам «увидеть» город глазами наших участников. Эмоциональное отношение к своему городу очень хорошо демонстрируют цветовые решения, элементы рисунка, которые информант включает по своему желанию. В условиях, когда подавляющая часть выпускников уезжает продолжать образование после окончания школы в другой, как правило, более крупный город, возникает проблема формирования интереса к родному городу. Ментальные карты позволяют найти какие-то особые места, концентрирующие в себе наиболее значимые атрибуты городского пространства, составляющие его символический капитал.

Как показывает, наш исследовательский опыт, молодые люди используют очень разные подходы к созданию ментальных карт: первый, когда пространство города подменяется одним, локальным местом, они рисуют какой-либо представительский объект городской жизни, например знаменитую «шайбу» Первоуральска. Город съезживается до конкретного знакового места, это может быть Дворец культуры, театр, памятник, центральная площадь. Второй, они рисуют только то, что значимо лично для них, например, собственный двор. То, что конкретное место замещает целый город, можно объяснить спецификой моногорода, но данное утверждение требует дополнительной проверки. Третий вариант – это ряд ментальных карт, сделанных в виде карты-схемы, где были прорисованы основные улицы, районы, в наибольшей степени соответствующий меркам К. Линча. Элементы «образа города», это, как правило, пути, границы, районы, узлы и ориентиры [Линч, 1960]. И еще один вариант – когда показано более обширное пространство, а город зафиксирован в виде точки, как элемент системы более высокого уровня.

В начале практически любой дискуссии на вопрос о городе звучал почти одинаковый ответ – в нашем городе ничего нет – такой распространенный, безусловно, одобряемый ответ. Однако, создание визуальных документов,

рисование ментальной карты города, дает совсем иную картину. В нем появляются цветистое разнообразие мест и сопряженных с ними смыслов. Оказывается, что в городе чисто арифметически множество разнообразных мест, но как по-разному отражается опыт освоения одного и того же городского пространства. Участники исследования рисуют один и тот же город, при этом они имеют приблизительно схожий опыт жизни, уровень дохода родителей и т. п. Тем не менее, город у них получается очень разным. У кого-то он представлен в виде подробной карты, по которой можно ориентироваться туристам. У кого-то город превращается в школьный двор или центральную улицу с расположенными на ней дестинациями вроде памятника В. И. Ленину или недавно открытому большому (по масштабам города) торгово-развлекательному центру.

Утверждение, что «в нашем городе ничего нет», это мейнстрим состоявшихся обсуждений, об этом говорили многие участники исследования. Планы покинуть родной город после окончания обучения подкрепляются доводами о том, что город не стоит того, чтобы в нем оставаться. Тем не менее, при анализе ментальных карт выясняется, что смысловая наполненность городского пространства оказывается гораздо богаче. Визуальная насыщенность противостоит вербальной скупости, возможно, проще нарисовать, нежели рассказать. Иными словами, рисунки участников вступают в противоречие с наиболее часто повторяющиеся высказывания.

Здесь можно высказать несколько предположений, во-первых, в соответствии со спиралью молчания, говорят больше те участники, которые придерживаются мейнстримных высказываний. Те, у кого есть свое мнение, те, кому родной город нравится, предпочитают помалкивать, особенно в атмосфере всеобщего осуждения, которое является частью местного неформального нарратива и хорошо проявляется в таких обсуждениях.

Ментальные карты, как визуальный документ, имеют и свои ограничения. Как изобразить движение / мобильность на листе формата А4? Ментальные карты в этом случае оказываются не совсем пригодными. Конечно, на них обнаруживаются отдельные элементы движения или даже целые системы мобильностей. Например, на одном из рисунков изображена машина, *мчащаяся* по одной из городских улиц. Такой вывод можно сделать по пририсованному к машине «пороссячему хвостику», так обычно изображаются на картах выхлопные газы. Анализ ментальных карт показал, что элементы мобильности плотно вплетены в каркас городского пространства. Структура города обычно размечается улицами с машинами, по ним *идут* люди, на границах городов мы видим выезды на межгородские трассы, есть железные дороги и трамваи. То есть созданные визуальные документы позволяют получить достаточно полный ассортимент средств мобильности, используемый горожанами. А по частотности мы можем судить о популярности тех или иных способов передвижения.

Дым идет из заводских труб – такая мобильность атрибутирует жизнь города, его индустриальное и монофункциональное начало (как в Первоуральске или Ревде). Река течет и как бы стягивает на себя пешеходное движение, так как это происходит в Краснотурьинске, где гигант советского индустриального наследия, Богословский алюминиевый завод, работает до сих пор, но масштабы занятости и производства не сопоставимы с тем, что было раньше.

Исследование повседневной мобильности предполагает маршрутизацию повседневности: в каких направлениях, каким способом человек передвигается, с работы домой, в места проведения досуга или в формате своих родительских обязанностей. Для определения повседневных маршрутов можно использовать карту города, чтобы участник исследования рисовал свои маршруты по традиционному источнику. В ходе групповых дискуссий мы пытались «убить одним ударом двух зайцев», нарисовать сначала ментальную карту, а потом на ней указать маршрут, но полученные документы по большей части оказались мало пригодны для такой цели.

Получение маршрутов передвижения по городу, требовало другой подготовки, например, распечатывания карты города для каждого школьника, чтобы он мог обозначить на ней маршруты передвижения. Это могло бы создать определенные проблемы, такие как нарушение анонимности (то есть, вызвало бы беспокойство или даже недовольство родителей). Ограниченное время групповой дискуссии заставляет нас концентрироваться на наиболее важных аспектах обсуждения. Из двух вариантов визуальных документов – ментальные карты и маршруты передвижения мы выбрали ментальные карты. Специфику передвижения мы смогли отследить по транспортным таблицам, в которых участники указали свои маршруты и способы передвижения, например, «к бабушке – на велосипеде»; «в больницу – на такси» и т. п.

Еще одна разновидность мобильности, исследуемая нами в проекте – биографическая мобильность. Мы просили информантов нарисовать свою «линию жизни». Казалось бы, вот здесь-то точно в приоритете должны оставаться методы, основанные на рассказе и самоописании. Использование визуализации позволило включить в наррации информантов еще одно, пространственное измерение.

Полученные документы – «линии жизни» – позволили нам реконструировать, зафиксировать специфику личного пространства участников, сделать его пригодным для анализа. Далеко не каждый школьник или даже студент решится выставлять на общее обсуждение детали своей жизни, как прошлые, так и будущие. Визуализация, с одной стороны, позволяет информантам сосредоточиться на собственной биографии и не отвлекаться на реплики, поведение других участников дискуссии. С другой стороны, она дает необходимую возможность свободы воплощения собственных представлений – никаких жестких инструкций для рисования не выдавалось (что иногда ввергало

участников в состояние некоторого ступора). Прорисовка событий прошлого, настоящего, будущего предполагает определенную свободу самовыражения, участник может следовать существующим шаблонам (рождение, получение образования и т. д.), а может иначе расставить смысловые акценты.

С помощью рисунка мы видим пространственную организацию биографии, обозначается привязанность к месту, прослеживается масштабирование событий прошлого, настоящего и будущего. Вертикальная и горизонтальная мобильности (в духе П. Сорокина) взаимодействуют на равных условиях. Глобальные жизненные планы (получение образования, поиск работы) соседствуют с путешествиями и переездами.

Движение в линиях жизни очень часто выражается в яркой визуальной метафоре «стрелы времени». В визуальных документах некоторые участники попытались уйти от привычного сюжета, который изначально задает последовательность отражения элементов жизненной истории. Один из таких вариантов – ветвление, иными словами, определение нескольких возможных вариантов развития событий. Такая альтернативность относится только к будущему, участники предполагают для себя возможные варианты развития событий [Веселкова и др., 2020].

Визуальные методы в исследовании мобильности, таким образом, обнаруживают свой эвристический потенциал. Они позволяют создать целые пакеты документов, существенно дополняющих вербальные высказывания. В процессе обработки рисунки могут не только соотноситься со стенограммой дискуссии, но и рассматриваться как отдельный пакет документов, позволяющий выстроить общую картину видения как своего города, разнообразных мобильностей, так и вариантов развития собственной жизни. Документы, полученные с помощью визуальных методов, позволяют значительно расширить пространство вывода в исследованиях мобильности.

Список литературы

Вандышев М. Н. Потенциальная мобильность выпускников школ малых и средних городов Свердловской области // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 5 (123). С. 114–123.

Веселкова Н. В. Молодые города: масштабы мест памяти // Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. // Социологическое обозрение. 2017. Том 16. № 3. С. 36–66.

Веселкова Н. В. Об основных векторах развития метода интервью // Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. // Социологические исследования. 2017. № 6 (398). С. 44–56.

Веселкова Н. В., Вандышев М. Н., Прямикова Е. В. «Стрела времени» и «Линии жизни». Деконструкция линейности. // Социологическое обозрение. 2020. Том 19. № 1. С. 85–105.

Данилова А. В. Маршруты повседневных перемещений в досуговых практиках городской молодежи // Социология города. 2017. № 2. С. 20–29.

Левинсон А. Открытые групповые дискуссии как метод прикладных социологических исследований // Вестник общественного мнения. 2007. № 6 (92). С. 45–54.

Линч К. Образ города. М. : Стройиздат, 1982.

Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. М. : Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996.

Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов). Распоряжение Правительства РФ от 29 июля 2014 г. № 1398-р (ред. от 21.01.2020) [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166540/ (дата обращения: 28.07.2020)

Сорокин П. Социальная мобильность / Питирим Сорокин; [пер. с англ. М. В. Соколовой]. М. : Academia: LVS, 2005.

Стрельникова А., Ваньке А. Полевое исследование индустриального района: стратегии сбора и анализа визуальных данных. // Интеракция. Интервью. Интерпретация. (INTER). 2017. № 13. С. 51–72

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильностей для XXI столетия. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

УДК 930.2

О. Ю. Сарафанов

ФОТОДОКУМЕНТЫ УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ТЕЛЕГРАФНОГО АГЕНТСТВА (УРАЛРОСТА) В ФОНДАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Статья посвящена анализу деятельности Уральского отделения Российского телеграфного агентства в части визуализации событий истории Урала в 1920-е гг. Большое внимание уделено кадровому составу, особенностям организации работы сотрудников плакатно-фотографического отдела, созданию иллюстративного материала для устных газет и приспособлению фотографий для целей пропаганды достижений советской власти.

Данная статья вводит в научный оборот архивные документы, отражающие события периода Гражданской войны на Урале, становления советской власти, агитационно-пропагандистской работы нового правительства, новые способы взаимодействия с гражданским населением, в том числе в виде устных газет, плакатов, фотографий наиболее значимых событий. Главной целью деятельности УралРОСТА было доведение информации о деятельности органов власти до населения, в том числе малограмотного, путем предоставления актуальных новостей о жизни молодого советского государства.

Ключевые слова: УралРОСТА, плакат, фотография, фотовыставка, киномонтер, Музей революции, история Урала, история Екатеринбурга, Гражданская война в России, Государственный архив Свердловской области

В конце 1919 г. в Екатеринбурге было организовано Уральское отделение Российского телеграфного агентства (УралРОСТА), активную деятельность эта организация начала в 1920 г. Ее целью было информирование жителей Урала о работе органов власти. В связи с тем, что в значительной степени население было неграмотным, наряду с традиционными формами (газеты)